УДК 811.133.1'27(091)
ББК Ш147.11-03+Ш147.11-006.21 *ГСНТИ 16.21.33; 03.09.31* *Код ВАК 10.02.19; 07.00.03*

Е. М. Какзанова
Москва, Россия

ВЛИЯНИЕ ВЕЛИКОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ НА ПОЛИТИЗАЦИЮ ЯЗЫКА

АННОТАЦИЯ. *Статья посвящена влиянию Великой французской революции на политизацию языка. Влияние политики на язык рассматривается на примере идей Иоахима Генриха Кампе, почетного гражданина Первой республики, прибывшего в революционный Париж сразу после взятия Бастилии. И. Г. Кампе создает государственно-правовой лексический минимум и придает ему политическую направленность. Тем самым он признает за широкой общественностью право на участие в политическом дискурсе. Особую форму просвещения народа ученый видел в усовершенствовании немецкого языка в направлении легкости и общедоступности. Данная педагогическая и общественно-политическая идея предполагала равные шансы всех участников речевого общения. Лексикографические работы И. Г. Кампе были политически ангажированы, поскольку при составлении словарей ученый придерживался мнения, что только язык может сделать общество образованным. Также в аспекте отражения Великой французской революции рассмотрены художественные произведения Ч. Диккенса, В. Гюго и А. Дюма и взгляды на это событие Ф. М. Достоевского. Внимание исследователя сконцентрировано на когнитивной категории признака, которая объективируется антонимами, выраженными как прилагательными, так и существительными, а также фигурой сравнения. Показана роль иноязычных вкраплений в политизации языка. Делается вывод, что политическая ситуация всегда отражается на языке, который служит описанию событий эпохи.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *политизация языка; Великая французская революция; категория признака; антонимы; фигура сравнения; иноязычные вкрапления.*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: *Какзанова Евгения Михайловна, доктор филологических наук, профессор Российского университета дружбы народов; 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 10/2; e-mail: kakzanova@post.ru.*

Начать мы хотели бы с цитаты:

«— Болгария и Румелия — это одни только цветки. Это что, пустяки, чепуха! А вот ты прочти, что в Греции да в Сербии делается, да какой в Англии разговор идет! Греция и Сербия поднимутся, Турция тоже… Англия вступится за Турцию.

— И Франция не утерпит…» [Чехов 1970: 465].

Знакомая ситуация? Если бы не странное название «Румелия» — вполне можно было бы предположить, что речь идет о событиях 2016 г. На самом деле приведенная цитата взята из рассказа А. П. Чехова «Психопаты», опубликованного в 1885 г. В 1885 году в Румелии произошел переворот, после которого она фактически перешла под контроль княжества Болгарии. Речь идет о Болгарском политическом кризисе 1885—1887 гг., связанном с положением Болгарии на международной арене и соперничеством великих держав за влияние в болгарском государстве. Вследствие присоединения Восточной Румелии к Болгарии в 1885 г. обострились отношения между ними и Грецией. Эти же события привели к краткосрочной войне между Болгарией и Сербией, которая началась в ноябре 1885 г. Турция в 1885 г. полностью потеряла суверенитет, а ее столица фактически была перенесена в Лондон. Англия, несмотря на рост англо-германских противоречий в связи с борьбой за колонии, считала своим главным противником Францию [Ерофеев 1959: 154]. Во Франции в это время был период Третьей республики с выборами в палату депутатов, благоприятными для консерваторов. Первая республика была провозглашена во Франции в сентябре 1792 г. в результате Великой французской революции, которая привела к уничтожению в стране старого порядка. Началом революции стало взятие Бастилии 14 июля 1789 г.

Во время революции говорили исключительно о политике, потому что политикой было пропитано абсолютно всё. Ее рисовали на дне тарелок, ею покрывали все стены, о ней беспрестанно возвещали на улицах [Дюма].

Среди иностранцев, приветствовавших Французскую революцию, был Иоахим Генрих Кампе, который прибыл в революционный Париж сразу после взятия Бастилии. Сопровождал его тогда никому не известный молодой человек, его воспитанник, которого впоследствии узнала вся мировая научная общественность — Вильгельм фон Гумбольдт (1767—1835). Парадоксально, что его учитель, Иоахим Генрих Кампе (1746—1818), известен в нашей стране гораздо меньшему кругу лиц.

Немецкая исследовательница Имке Ланг-Грот называет Иоахима Генриха Кампе ученым, поэтом и просто образованным человеком, самым читаемым в XVIII в. автором далеко за пределами Священной Римской империи германской нации, педагогом, теологом, воспитателем и филантропом, писателем, издателем, языковедом и лексикографом [Lang-Groth 2012: 145].

Французская революция, которую Иоахим Генрих Кампе наблюдал собственными глазами, вдохновила его на политизацию языка. Он пишет: «Новые слова должны иметь гражданские права» (*neue Wörter sollen ihr Bürgerrecht erhalten*) [Lang-Groth 2012:

По материалам X Международной научной конференции «Политическая коммуникация» (26—30 сентября 2016 г., Екатеринбург).
© Какзанова Е. М., 2016

149]. Он создает государственно-правовой лексический минимум и придает ему политическую направленность. Тем самым он признает за широкой общественностью право на участие в политическом дискурсе. Достичь этого можно, по мнению ученого, сделав язык (в его случае — немецкий язык) общедоступным и понятным. И. Г. Кампе видит в усовершенствовании немецкого языка особую форму просвещения народа. Эта педагогическая и общественно-политическая идея И. Г. Кампе предполагает равные шансы всех участников речевого общения.

Ученый много занимался лексикографической работой, издал несколько словарей, в том числе шеститомный словарь по объяснению и онемечиванию заимствований. По мнению Имке Ланг-Грот, словарь И. Г. Кампе является политически мотивированным, потому что при его составлении ученый всегда утверждал, что только язык может сделать общество образованным [Lang-Groth 2012: 168].

И. Г. Кампе использует язык как основу общественно-политических преобразований. Его цель (речь идет о конце XVIII — начале XIX в.) — общедоступность немецкого языка для всех слоев населения. Именно в этом ученый видел элементарные предпосылки просвещения и образования народа.

С 1792 г. И. Г. Кампе является почетным гражданином Французской Республики.

Великой французской революции посвящен роман английского писателя Чарльза Диккенса (1812—1870) «A Tale of Two Cities» («Два города»). Идея книги родилась, когда Ч. Диккенс вместе со своими детьми и друзьями участвовал в любительской инсценировке романа английского писателя Уильяма Уилки Коллинза (1824—1889) «The Frozen Deep». Закончив последние страницы своего романа, Ч. Диккенс писал У. Коллинзу: *It has greatly moved and excited me in the doing, and Heaven knows I have done my best and believed in it* [Woodcock 1980: 10]. По собственному признанию Ч. Диккенса, на его видение Французской революции, ее философскую интерпретацию оказал влияние великий исторический роман Томаса Карлайла (1795—1881) «The French Revolution: A History» («Французская революция: история») — писателя, которым Ч. Диккенс восхищался и которого считал своим учителем. Мы уделим внимание не литературным особенностям книги, а исключительно ее языку.

В самом названии романа Ч. Диккенса «A Tale of Two Cities» уже заключена дихотомия, которая пронизывает весь роман. Ч. Диккенс описывает изменяющееся общество и меняющихся людей, революционные идеалы и революционные методы. С самых первых страниц романа писатель характеризует политические события с помощью антонимов в соответствии с когнитивной категорией признака.

Ю. Д. Апресян [Апресян 1972: 330] определяет антоним как слово, противопоставленное другому слову таким образом, что оно отрицает все до единой содержащиеся в нем импликации. Ю. Д. Апресян условно делит антонимы на два вида: парадигматические антонимы и синтагматические. Парадигматические антонимы имеют противоположные или обратные, но не противоречащие значения. Синтагматические антонимы имеют в качестве обязательного признака хотя бы частичное совпадение сочетаемости или, что то же самое, возможность хотя бы частичной взаимозамены в одном и том же контексте (разумеется, с соответствующим семантическим изменением), считает Ю. Д. Апресян.

Более традиционно деление антонимов на контрадикторные и контрарные, а с точки зрения структуры — на лексические и грамматические (разнокорневые и однокорневые). Контрадикторные антонимы — это такие противоположности, которые взаимно дополняют друг друга до целого без переходных звеньев. Контрарные — это антонимы, выражающие полярные противоположности внутри одного явления при наличии переходных звеньев.

По мнению З. Д. Поповой и И. А. Стернина [Попова и др. 2007: 127], понятие категоризации относится к центральным, основополагающим понятиям когнитивистики в целом и когнитивной лингвистики в особенности. Е. С. Кубрякова [Кубрякова 1997: 244] определяет категоризацию как главный способ придать восприятию мира упорядоченный характер, систематизировать как-то наблюдаемое и увидеть в нем сходство одних явлений в противовес различию других. Результатом категоризации как когнитивного процесса является формирование когнитивных классификационных признаков, которые выявляются в группах концептов и обнаруживаются в отдельных концептах. Когнитивные классификационные признаки упорядочивают концепты и их группы в единую концептосферу.

Исходя из определения концепта, данного Е. С. Кубряковой, согласно которому концепт — это термин, служащий объяснению единиц ментальных и психических ресурсов нашего сознания [Кубрякова и др. 1997], можно предположить, что антонимы — это тоже концепты, объективированные в словах.

Набор когнитивных классифицирующих признаков специфичен для каждого концеп-

та, для группы концептов и для концептосферы в целом.

З. Д. Попова и И. А. Стернин [Попова и др. 2007: 130] выделяют универсальные суперклассифицирующие признаки, которые могут быть применены к любому предмету или явлению, — временна́я характеристика, пространственная характеристика, общая оценка, эмоция. Эти категории формируют смысловой каркас языка. Это и есть наиболее абстрактный уровень языковой картины мира, считает В. А. Маслова [Маслова 2007: 257].

Под когнитивной категорией признака понимается свойство, по которому познают предмет или явление; определение, которое отличает одно понятие от другого [Философский энциклопедический словарь].

По мнению В. В. Колесова, признак воспринимается как основная категория в характеристике вещного мира; через признак выявляется каждое новое качество, привлекающее внимание своей неповторимостью [Колесов 2006: 49].

Выделяя онтологический аспект категории признака, Л. В. Лаенко утверждает, что одни явления начинают осмысливаться как темы высказываний, т. е. то, о чем идет речь в суждении, другие же понимаются как признаки обозначенного предмета, приписывающие ему определенные атрибуты, сообщающие о его свойствах, определяющие его место в таксономии мира [Лаенко 2002: 27].

В нашем случае категория признака реализуется как антонимичными атрибутивными словосочетаниями, так и субстантивными. Одно из основных свойств антонимов состоит в том, что они всегда рассматриваются как пары. Ядерный элемент в этих парных словосочетаниях указывает на временной интервал (*эпоха, век, год*), а атрибутивный или субстантивный компонент отражает сам категориальный признак.

Первая глава «The Period» («Время действия») первой части «Recalled to Life» («Возвращение к жизни») романа Ч. Диккенса начинается так:

It was the best of times,
it was the worst of times,
it was the age of wisdom,
it was the age of foolishness,
it was the epoch of belief,
it was the epoch of incredulity,
it was the season of Light,
it was the season of Darkness,
it was the spring of hope,
it was the winter of despair [Dickens 1980: 28].

Первая пара представляет собой контрарное атрибутивное словосочетание, в котором прилагательные выражены превосходной степенью. Речь идет о ментальных прилагательных.

Остальные пары представляют собой субстантивные словосочетания. В трех из них ядерный элемент совпадает — *age, epoch, season*, в последней паре антонимичными являются оба элемента — ядерный (*spring/winter*) и признаковый (*hope/dispair*). Антонимы, представленные субстантивными словосочетаниями, являются контрадикторными.

Для описания Великой французской революции Ч. Диккенс использует еще одну пару антонимов: *It was a queen with a plain face, on the throne of England; it was a queen with a fair face, on the throne of France* [Dickens 1980: 28].

Во время Французской революции королевой Франции была Мария-Антуанетта (1755—1793), которая царствовала во Франции с 1774 по 1792 г. После начала Французской революции она была объявлена вдохновительницей контрреволюционных заговоров и интервенции, осуждена Конвентом и казнена.

С королевой Англии немного сложнее. Дело в том, что действующим королем с 1760 по 1794 г. был Георг III (1738—1820). Известны приступы помешательства Георга III с 1788 г., тем не менее его супруга София Шарлотта Мекленбург-Стрелицкая (1744—1818) официальной королевой Англии не была. Очевидно, образ супруги Георга III понадобился Ч. Диккенсу исключительно для объективации категории признака. Кстати, именно Шарлотте Мекленбург-Стрелицкой принадлежит рецепт сладкого десерта из яблок, запеченных в тесте, широко известного под названием «шарлотки» [Какзанова 2015: 63].

Было бы странно ожидать, что о Великой французской революции ничего не напишут французские писатели. Виктор Гюго (1802—1885), признавая огромное историческое значение Французской революции, посвятил ей свой роман «Quatrevingt-treize» («Девяносто третий год») [Hugo]. В процессе подготовки произведения писатель изучил «Французскую революцию» историка и журналиста Луи Блана (1811—1882), «Историю жирондистов» французского писателя Альфонса де Ламартина (1790—1869), «Историю Робеспьера» историка Эрнеста Амеля, труды французского историка Жюля Мишле (1798—1874), политического деятеля Доминика Жозефа Гара (1749—1833), писателя Феликса Пиа (1810—1889) и другие источники [Толмачёв 1972: 379]. Однажды В. Гюго сказал: «Поэту надлежит возвышать политические события, если они того заслуживают, до степени событий исторических» [Антокольский 1972: 392].

В первой книге своего романа В. Гюго, как и Ч. Диккенс, использует антонимы. Тридцать гренадеров под командой сержанта встретили в Содрейскому лесу женщину с тремя детьми. Сержант:

— *Quelles sont tes opinions politiques? De quel parti es-tu? Es-tu des bleus? Es-tu des blancs? Avec qui es-tu?* («Каковы твои политические убеждения? Какой партии ты сочувствуешь? Ты синяя? Белая? С кем ты?» [Гюго 1972: 11, 13]).

Цветовые, или визуальные антонимы, представляющие собой субстантивированные прилагательные, являются контрарными. Белые — это сторонники старого порядка и монархии, знамя которой было белого цвета. Синие — это сторонники Республики и революции, которая с самого начала признала своими цвета Парижа — синий и красный.

Это не единственная антонимичная пара в романе, объективирующая категорию признака и служащая для описания политических событий. В главе «Tormentum belli» В. Гюго описывает пушку, которая сорвалась с цепей на военном судне, идущем полным ходом в открытом море. *Vous ne pouvez pas le tuer, il est mort. Et en même temps, il vit* («Убить ее Вы не можете — она и так мертва; и в то же время она живет» [Гюго 1972: 32]). Строго говоря, слова *mort* («мертва») и *vit* («живет») антонимами не являются, так как относятся к разным частям речи. Но они также выражают противоположные значения, подпадающие под категорию признака.

Один из героев романа, роялист маркиз де Лантенак, считал так: *Il est temps de faire les deux guerres ensemble; la grande et la petite. … La Vendée est bonne, la Chouannerie est pire* («Пришел час вести разом две войны: войну большую и войну малую. …Вандейская война — хороша, шуанская — хуже» [Гюго 1972: 67]). Вандейская война получила свое название по главному очагу контрреволюции — департаменту Вандея. В 1793—1795 гг. мятежом была охвачена значительная часть крестьянства, особенно зажиточного, руководимого опиравшимися на поддержку Англии контрреволюционным духовенством и дворянством. После первых успехов вандейцев роялисты хотели бороться за свержение республики и возведение на престол малолетнего сына казненного короля под именем Людовика XVII. Восстание шуанов стало вторым крупным роялистским восстанием после Вандейского. В. Гюго пишет: *Il y a eu deux Vendées : la grande, qui faisait la guerre des forêts, la petite, qui faisait la guerre des buissons* («Было две Вандеи: большая Вандея, которая вела лесную войну, и Вандея малая, которая воевала в кустарнике» [Гюго 1972: 188]). Для характеристики войн используются как антонимичные прилагательные в положительной степени *grande* и *petite* («большая» и «малая»), так и форма в сравнительной степени *pire*, подчеркивающая контрарность оппозиции.

Нищие крестьяне видели причину войн и революций в степени состоятельности людей. Они говорили: *Les pauvres, les riches, c'est une terrible affaire. … Les pauvres veulent être riches, les riches ne veulent pas être pauvres* («Бедняки, богачи — страшное это дело. …Бедные хотят стать богатыми, а богачи не хотят стать бедными» [Гюго 1972: 81]). Здесь категорию признака объективируют контрарные антонимичные существительные, используемые для характеристики людей.

Реалии Великой французской революции В. Гюго описывает так: *Près de l'Évêché la Convention était froide et la Commune était tiède* («По сравнению с Епископатом Конвент казался холодным, а Коммуна чуть теплой» [Гюго 1972: 110]). Конвент — это высший законодательный и исполнительный орган Первой французской республики во время Великой французской революции, действовавший с 1792 по 1795 г. Это была первая французская законодательная ассамблея, выбранная на основе всеобщего избирательного права. Коммуна — это муниципальное правление Парижа с 1789 по 1794 г. В это время Коммуна играла значительную роль в политической жизни Франции. Прилагательное *tiède* («чуть теплый, тепловатый») является промежуточным звеном между прилагательными *froid* («холодный») и *chaleureux* («теплый»), поэтому можно говорить о контрарных антонимах.

Говоря о политических деятелях Великой французской революции, В. Гюго характеризует их так: *Sourire de nain pire qu'un rire de colosse* («Улыбка карлика страшнее смеха великана» [Гюго 1972: 123]). Великан — это Жорж Жак Дантон (1759—1794). Он описывается в литературе как человек огромного роста и физической силы, с некрасивым приплюснутым носом, изрытым оспой и покрытым шрамами лицом. Карлик — это Жан-Поль Марат (1743—1793). Е. В. Тарле описывает его как человека необыкновенной силы, несмотря на худощавость и малый рост [Тарле 1959: 264].

О парадоксах Великой французской революции В. Гюго рассуждает словами одного из своих героев, революционера Говэна: *Car lorsque les événements, qui sont variables, nous font une question, la justice, qui est immuable, nous somme de répondre. … En même temps que le combat terrestre, il y avait*

eu un combat céleste. Le combat du bien contre le mal. … Étant les plus forts, d'être les plus faibles, étant les victorieux, d'être les meurtriers. … A protection due aux faibles par les forts, le salut dû à ceux qui sont perdus par ceux qui sont sauvés. … La lutte des passions bonnes et des passions mauvaises faisait en ce moment sur le monde le chaos («Коль скоро события, которые суть величина переменная, ставят перед нами вопрос, то справедливость, величина постоянная, понуждает нас отвечать. …Пока на земле шла битва, шла битва и на небесах. Битва добра против зла. …Будучи более сильными — стать более слабыми, будучи победителями — стать убийцами. …Долг сильного — покровительствовать слабому, долг спасшегося — помочь спастись погибающему. …Борьба добрых и злых страстей разыгрывалась сейчас над миром, порождая хаос» [Гюго 1972: 333, 334, 337—338, 343, 344]). В первом случае в русском переводе признаковая антонимия выступает на уровне математических терминов: величина переменная / величина постоянная. Во французском языке прилагательное *immuable* термином не является, но рассматривать пару *variables — immuable* как контрадикторные антонимы можно. Вторая пара признаковых антонимов выражена контрарной оппозицией существительных *bien — mal* («добро — зло»). Контрарными являются и антонимичные прилагательные в третьем случае — *plus forts/ plus faibles* («более сильные / более слабые»), а антонимичная пара существительных *victorieux/meurtriers* («победители/убийцы») является контрадикторной.

Очень активно В. Гюго пользуется фигурой сравнения, которая также соотносится с категорией признака. Под фигурой сравнения понимается образное словесное выражение, основанное на сопоставлении двух предметов, понятий, в результате которого путем подчеркивания определенных свойств и сторон усиливается восприятие первого из них [Новиков 2007: 98]. Описывая сорвавшуюся с цепей пушку, которая упоминалась выше, В. Гюго пишет: *Ce bloc forcené a les sauts de la panthère, la lourdeur de l'éléphant, l'agilité de la souris, l'opiniâtreté de la cognée, l'inattendu de la houle, les coups de coude de l'éclair, la surdité du sépulcre* («Эта осатаневшая глыба вдруг приобретает гибкость пантеры; она тяжеловесна, как слон, проворна, как мышь, неумолима, как взмах топора, изменчива, как морская зыбь, неожиданна, как зигзаг молнии, глуха, как могильный склеп» [Гюго 1972: 32]). Объективируя категорию признака, фигура сравнения способствует визуализации отдельных фрагментов текста.

К теме Великой французской революции обращается и А. Дюма в романе «Шевалье де Мезан-Руж». В основе сюжета — безуспешные попытки роялистов-заговорщиков спасти от казни вдову Людовика XVI королеву Марию-Антуанетту, ту самую, которую Ч. Диккенс назвал «королевой с красивым лицом».

В романе А. Дюма политизация языка также представлена антонимами, объективирующими категорию признака. Женщина, которую дважды задержал революционный патруль, обратилась к заступившемуся за нее офицеру: *Monsieur, après m'avoir protégée contre vos ennemis, protégez-moi contre vos amis* («О сударь, после того, как Вы защитили меня от Ваших врагов, защитите меня от Ваших друзей» [Дюма]). Существительные *ennemis* и *amis* («враги» и «друзья») характеризуют человека и подпадают под категорию признака.

В романе встречаются и другие антонимичные существительные, объективирующие категорию признака. Главный герой романа якобинец Морис Ленде попал в ловушку и услышал *voix qui avait déjà frappé son oreille par un mélange de fer- meté et de douceur* («голос, который поразил его смесью твердости и мягкости»). Список подобных примеров можно продолжить.

Гораздо менее серьезно относился к Великой французской революции Ф. М. Достоевский (1821—1881). В своих «Зимних заметках о летних впечатлениях» с подзаголовком «Фельетон за всё лето» писатель в сатирической манере утверждает, что идеалы Великой французской революции не осуществились. С насмешкой Ф. М. Достоевский пишет: «Провозгласили свободу, равенство, братство. Что такое свобода? Какая свобода? Одинаковая свобода всем делать всё что угодно в пределах закона. Когда можно делать всё что угодно? Когда имеешь миллион. Дает ли свобода каждому по миллиону? Нет. Что такое человек без миллиона? Человек без миллиона есть не тот, который делает всё что угодно, а тот, с которым делают всё что угодно. Что ж из этого следует? А следует то, что кроме свободы, есть еще равенство, и именно равенство перед законом. Про это равенство перед законом можно только сказать, что в том виде, в каком оно теперь прилагается, каждый француз может и должен принять его за личную для себя обиду. Что ж остается из формулы? Братство. Ну эта статья самая курьезная и, надо признаться, до сих пор составляет главный камень преткновения на Западе. Западный человек толкует о братстве как о великой движущей силе человечества и не

догадывается, что негде взять братства, коли его нет в действительности. Что делать? Надо сделать братство во что бы ни стало. Но оказывается, что сделать братства нельзя, потому что оно само делается, дается, в природе находится. А в природе французской, да и вообще западной, его в наличности не оказалось, а оказалось начало личное, начало особняка, усиленного самосохранения» [Достоевский].

Для большей язвительности писатель воспользовался иноязычными вкраплениями на французском языке. «Свобода, равенство и братство» написаны Ф. М. Достоевским по-французски: *liberte, egalite, fraternite*. Термин «иноязычное вкрапление» был введен А. А. Леонтьевым [Леонтьев 1966: 60] и получил дальнейшую разработку в работе С. Влахова и С. Флорина «Непереводимое в переводе», где они определяют данное явление как «слова и выражения на чужом для подлинника языке, в иноязычном их написании или транскрибированные без морфологических или синтаксических изменений, введенные автором для придания тексту аутентичности, для создания колорита, атмосферы или впечатления начитанности или учености, иногда — оттенка комичности или иронии» [Влахов и др. 1980: 15]. Иноязычные вкрапления, введенные не без иронии Ф. М. Достоевским, являются зеркалом эпохи, они отражают ту историческую и политическую ситуацию, которая была характерна для Франции периода Великой французской революции. В рассмотренном публицистическом произведении есть и другие политические иноязычные вкрапления, представляющие собой словосочетания: *gloire militaire* («воинская слава») и *suffrage universel* («всеобщее избирательное право»). Они придают эссе оттенок комичности.

В настоящей статье мы рассмотрели взгляды немецких, английских, французских и русских писателей и ученых на Великую французскую революцию. Политическая ситуация отразилась и на языке, который служил описанию событий той эпохи. Мы подробно остановились на антонимах и фигуре сравнения, объективирующих категорию признака, а также на иноязычных вкраплениях, которые не только отражают реальные политические события, но и подчеркивают ироничное отношение автора к этим событиям.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антокольский П. Виктор Гюго // Собр. соч. : в 10 т. / В. Гюго. — М. : Правда, 1972. Т. 10 : Девяносто третий год. С. 380—397 (Библиотека «Огонёк»).
2. Апресян Ю. Д. Лексические антонимы и преобразования с ними // Проблемы структурной лингвистики. 1972. — М. : Наука, 1973. С. 326—348.
3. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. — М. : Международные отношения, 1980. 350 с.
4. Гюго В. Собр. соч. В 10 т. Т. 10. Девяносто третий год. — М. : Правда, 1972. 399 с. (Библиотека «Огонёк»).
5. Достоевский Ф. М. Зимние заметки о летних впечатлениях. Фельетон за всё лето. URL: http://az.lib.ru/d/dostoewskij_f_m/text_0040.shtml.
6. Дюма А. Шевалье де Мезон-Руж. URL: http://royallib.com/read/dyuma_aleksandr/shevale_de_mezon_rug.html#20480.
7. Ерофеев Н. А. Очерки по истории Англии 1815—1917 гг. — М. : Изд-во ИМО, 1959. 262 с.
8. Колесов В. В. Русская ментальность в языке и тексте : моногр. — СПб. : Петербургское востоковедение, 2006. 624 с.
9. Какзанова Е. М. Англо-русско-немецкий словарь интернациональных эпонимов: название и происхождение. От A до Z. — М. : Галлея-Принт, 2015. 307 с.
10. Кубрякова Е. С. Части речи с когнитивной точки зрения. — М. : Ин-т языкознания РАН, 1997. 343 с.
11. Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г. Краткий словарь когнитивных терминов. — М. : Филол. фак. МГУ им. М. В. Ломоносова, 1997. 245 с.
12. Лаенко Л. В. Категория признака в научном сознании современного гуманитарного знания // Вестн. ВГУ. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2002. № 2. С. 26—32.
13. Леонтьев А. А. Иноязычные вкрапления в русскую речь // Вопросы культуры речи. — М. : Наука, 1966. С. 60—68.
14. Маслова В. А. Homo lingualis в культуре. — М. : Гнозис, 2007. 320 с.
15. Новиков Л. А. Художественный текст и его анализ. — М. : ЛКИ, 2007. 304 с.
16. Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. — М. : АСТ : Восток-Запад, 2007. 314 с.
17. Тарле Е. В. Жан-Поль Марат, Друг народа // Соч. / Е. В. Тарле. — М. : Изд-во АН СССР, 1959. Т. 6. С. 263—290.
18. Толмачёв М. Историко-литературная справка // Собр. соч. : в 10 т. / Виктор Гюго. — М. : «Правда», 1972. Т. 10 : Девяносто третий год. С. 379. (Библиотека «Огонёк»).
19. Философский энциклопедический словарь. — М. : ИНФРА-М, 2006. 574 с.
20. Чехов А. П. Психопаты // Соб. соч. : в 8 т. / А. П. Чехов. — М. : Правда, 1970. Т. 2 : Рассказы и повести. С. 465—469 (Библиотека «Огонёк»).
21. Dickens Ch. A Tale of Two Cities. — Middlesex, England : Penguin Books Ltd : Harmonsworth, 1980. 410 p.
22. Dumas A. Le Chevalier de Maison-Rouge. URL: https://ia902707.us.archive.org/18/items/illuslechevalier00dumauoft/illuslechevalier00dumauoft.pdf.
23. Hugo V. Quatrevingt-treize. URL: http://www.bibebook.com/files/ebook/libre/V2/hugo_victor_-_quatrevingt-treize.pdf.
24. Lang-Groth I. Joachim Heinrich Campe: Auf dem Weg zu einem Belegwörterbuch // Sprachdenker / Heraus. von Iris Forster, Tobias Heinz/Martin Neef. — Frankfurt am Main; Berlin; Bern; Bruxelles; New York; Oxford; Wien: Peter Lang GmbH, 2012. S. 145—170.
25. Woodcock G. Introduction to «A Tale of Two Cities». — Middlesex, England : Penguin Books Ltd : Harmonsworth, 1980. P. 9—25.

E. M. Kakzanova
Moscow, Russia

THE IMPACT OF THE GREAT FRENCH REVOLUTION UPON LANGUAGE POLITICIZATION

ABSTRACT. *The article is devotes to the study of the impact of the great French revolution on language politicization. The influence of politics on the language is discussed on the basis of Joachim Heinrich Campe's ideas, Honorary French citizen, who arrived in Paris immediately after the storming of the Bastille. J.H. Campe creates state legal lexical minimum with orientation towards politics. Thus he*

recognizes the right of ordinary people to take part in political discourse. The other form of enlightenment of people was perfection of the German language focusing on words that common people would understand. This pedagogical and socio-political idea meant that all the participants of verbal communication have equal opportunities. Lexicographic works of J.H. Campe were politically biased, because the scholar was of the opinion that it is the language that can make the society educated. The works of Ch. Dickens, V. Hugo and A. Duma are studied in the frameworks of description of the events of the great French evolution, as well as the ideas of F.M. Dostoyevsky. Our attention is focused on the cognitive category of the sign, which is specified by the antonyms expressed by adjectives, nouns and comparison figures. The role of foreign borrowings in politicizing of the language is revealed. The conclusion is made that the political situation is always reflected in the language, which describes the epoch.

KEYWORDS: *language politicization; Great French revolution; category of attribute; antonyms; comparison figure; foreign-language elements.*

ABOUT THE AUTHOR: *Kakzanova Evgeniya Mikhailovna, Dr. (habil.) of Philology, Professor of Peoples Friendship University of Russia, Moscow, Russia.*

REFERENCES

1. Antokol'skiy P. Viktor Gyugo // Sobr. soch. : v 10 t. / V. Gyugo. — M. : Pravda, 1972. T. 10 : Devyanosto tretiy god. S. 380—397 (Biblioteka «Ogonek»).
2. Apresyan Yu. D. Leksicheskie antonimy i preobrazovaniya s nimi // Problemy strukturnoy lingvistiki. 1972. — M. : Nauka, 1973. S. 326—348.
3. Vlakhov S., Florin S. Neperevodimoe v perevode. — M. : Mezhdunarodnye otnosheniya, 1980. 350 s.
4. Gyugo V. Sobr. soch. V 10 t. T. 10. Devyanosto tretiy god. — M. : Pravda, 1972. 399 s. (Biblioteka «Ogonek»).
5. Dostoevskiy F. M. Zimnie zametki o letnikh vpechatleniyakh. Fel'eton za vse leto. URL: http://az.lib.ru/d/dostoewskij_f_m/text_0040.shtml.
6. Dyuma A. Sheval'e de Mezon-Ruzh. URL: http://royallib.com/read/dyuma_aleksandr/shevale_de_mezon_rug.html#20480.
7. Erofeev N. A. Ocherki po istorii Anglii 1815—1917 gg. — M. : Izd-vo IMO, 1959. 262 s.
8. Kolesov V. V. Russkaya mental'nost' v yazyke i tekste : monogr. — SPb. : Peterburgskoe vostokovedenie, 2006. 624 s.
9. Kakzanova E. M. Anglo-russko-nemetskiy slovar' internatsional'nykh eponimov: nazvanie i proiskhozhdenie. Ot A do Z. — M. : Galleya-Print, 2015. 307 s.
10. Kubryakova E. S. Chasti rechi s kognitivnoy tochki zreniya. — M. : In-t yazykoznaniya RAN, 1997. 343 s.
11. Kubryakova E. S., Dem'yankov V. Z., Pankrats Yu. G., Luzina L. G. Kratkiy slovar' kognitivnykh terminov. — M. : Filol. fak. MGU im. M. V. Lomonosova, 1997. 245 s.
12. Laenko L. V. Kategoriya priznaka v nauchnom soznanii sovremennogo gumanitarnogo znaniya // Vestn. VGU. Ser.: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. 2002. № 2. S. 26—32.
13. Leont'ev A. A. Inoyazychnye vkrapleniya v russkuyu rech' // Voprosy kul'tury rechi. — M. : Nauka, 1966. S. 60—68.
14. Maslova V. A. Homo lingualis v kul'ture. — M. : Gnozis, 2007. 320 s.
15. Novikov L. A. Khudozhestvennyy tekst i ego analiz. — M. : LKI, 2007. 304 s.
16. Popova Z. D., Sternin I. A. Kognitivnaya lingvistika. — M. : AST : Vostok-Zapad, 2007. 314 s.
17. Tarle E. V. Zhan-Pol' Marat, Drug naroda // Soch. / E. V. Tarle. — M. : Izd-vo AN SSSR, 1959. T. 6. S. 263—290.
18. Tolmachev M. Istoriko-literaturnaya spravka // Sobr. soch. : v 10 t. / Viktor Gyugo. — M. : «Pravda», 1972. T. 10 : Devyanosto tretiy god. S. 379. (Biblioteka «Ogonek»).
19. Filosofskiy entsiklopedicheskiy slovar'. — M. : INFRA-M, 2006. 574 s.
20. Chekhov A. P. Psikhopaty // Sob. soch. : v 8 t. / A. P. Chekhov. — M. : Pravda, 1970. T. 2 : Rasskazy i povesti. S. 465—469 (Biblioteka «Ogonek»).
21. Dickens Ch. A Tale of Two Cities. — Middlesex, England : Penguin Books Ltd : Harmonsworth, 1980. 410 p.
22. Dumas A. Le Chevalier de Maison-Rouge. URL: https://ia902707.us.archive.org/18/items/illuslechevalier00dumauoft/illuslechevalier00dumauoft.pdf.
23. Hugo V. Quatrevingt-treize. URL: http://www.bibebook.com/files/ebook/libre/V2/hugo_victor_-_quatrevingt-treize.pdf.
24. Lang-Groth I. Joachim Heinrich Campe: Auf dem Weg zu einem Belegwörterbuch // Sprachdenker / Heraus. von Iris Forster, Tobias Heinz/Martin Neef. — Frankfurt am Main; Berlin; Bern; Bruxelles; New York; Oxford; Wien: Peter Lang GmbH, 2012. S. 145—170.
25. Woodcock G. Introduction to «A Tale of Two Cities». — Middlesex, England : Penguin Books Ltd : Harmonsworth, 1980. P. 9—25.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Е. А. Нахимова.